

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Александра Рудацова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ
БЫЛИНЫ СЕГО ВРЕМЕНИ**

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Александр РУДАЗОВ

**БЫЛИНЫ
СЕГО ВРЕМЕНИ**

Роман

Москва, 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р83

Серия основана в 2004 году
Выпуск 650

Художник
И. Воронин

Рудазов А. В.
Р83 Былины сего времени: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 314 с.: ил. —
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2470-2

Зима пришла на Землю Русскую. Покрылись снегом леса и поля ее, побелели бескрайние просторы. От князя до последнего холопа все в шубы облачились, печи растопили.

А посреди белых снегов несется громадный серый волчище, и восседает на спине его добрый молодец с мечом-кладенцом. На полудень путь их лежит — к морю теплomu, к Буяну-острову, к дубу великому. Туда, где смерть Кашеева в каменном яйце сберегается.

Поспешать надо княжичу Ивану да Серому Волку. Беда зреет на восходе.

Уже сгущаются в Кашеевом Царстве тучи, уже собираются в страшный кулак орды. Восседает на железном троне старик в железной короне. Скоро уж обрушится на Русь царь нежити.

Хек. Хек. Хек.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Рудазов А. В., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2470-2

ГЛАВА 1

Огромный дивий шагал с лязгом, грохотал по древнему камню. При виде него из-за решеток высовывались руки — узники стенали, молили о чем-то. Но безмолвный страж остался глух к их крикам, а по рукам бил железным кулаком.

В другой ладони была крепко зажата нога. Странная то была нога — не человечесья, не птичья, а что-то посредине. Могучий дивий волок бездыханного фалколака — сокола-оборотня.

Финист Ясный Сокол — на Руси имечко известное. Да и в других краях тоже. Немало сердечек сладко замирало, когда в ночи раздавался тихий стук в окошко. Одинокие девицы, молодые вдовицы, даже и гулящие женки — многие приголубливали Финиста.

Младший сын Волха залетал в окно птицей, оборачивался несказанной красоты молодцем. Умел, негодяй, оморочить свою любушку, усладить ее речью соловьиной, затомить в горячих объятиях да растопить на меду уста алые. Повсюду его привечали, повсюду ждали с нетерпением.

Слишком удачлив был Финист, слишком уж улыбалась ему Доля, слишком ласковы были Суденицы. Вот и стал он неосторожен, стал бесстрашен не в меру — и в итоге попался Кашею в лапы.

Вроде и снова удача, выпустила его из золотой клетки Василиса Премудрая — да опять не слава богу. В последний момент явился Кашей со своими чудищами, обратил Василису в лягушку, а Финиста снова заточил — и на сей раз не в клетку, а в темницу, в мешок каменный.

Хорошо хоть в живых оставил.

Железный истукан швырнул узника в тесную — едва в рост вытянуться — камору, захлопнул тяжеленную дверь и повер-

нул ключ. Финист оказался в крошечной тьме — внутри не было ни окна, ни самой малой щелочки. Избитый до полусмерти, он с трудом проволоч себя к стене и обмяк на куче гнилой соломы. Кости со скрипом меняли форму, крылья обращались руками, стальные перья — пальцами.

Надо потерпеть. Немного подождать, затянуть раны. Оборотень — создание живучее, сил в него боги вложили немерено. Поспать... отдохнуть... а там уж и думать, что дальше делать, как из беды спастись.

На этой мысли Финист и уснул. И спал он почти двое суток, не ведая, что творится снаружи, день там хотя бы или ночь.

А снаружи творились большие дела. Заканчивался грудень, близилась зима. На Руси уже выпал первый снег, в Кащеевом Царстве тоже холодало. Злой дух Карачун подвывал за окнами, припорошивал деревья белой пудрой, оставлял на стеклах хитрые узоры.

Холодно было и внутри. Леденящая, пробирающая до костей стужа царила в Костяном Дворце. На железном троне восседал костлявый старик с мертвыми глазами — чело его украшала железная же корона, а длани покоились на крестовине волнистого меча. Высохшая кожа туго обтягивала череп, казалась пергаментной маской.

Доспехов Кащей Бессмертный сегодня не надел. Был облачен в черную шелковую мантию с пелериной из китового уса. В ней он выглядел хилым, слабым — дунь, рассыплется.

Именно эту ошибку совершил стоявший перед троном витязь. Рослый крепкий парень с тяжелым длинным мечом смерил бессмертного царя презрительным взглядом и фыркнул:

— Что же, ты и есть знаменитый Кащей?.. Тот самый, коего так боятся русины?.. Да ты же просто трухлявый старикашка!

— Никогда не недооценивай трухлявых старикашек, — равнодушно ответил Кащей. — Кто ты и зачем пришел? Что тебе нужно в моем царстве?

— Я Ингвар Брюнбёрнссон, — гордо ответил витязь. — Со мной мой друг и сподвижник Бьярни. Мы из йомсвикингов.

— Йомсвикингов? — переспросил Кащей. — Вы разве еще остались?

— Конунг Магнус уничтожил Йомсборг, но Йомсборг — это только крепость, — задрал подбородок Ингвар. — Йомсвикинги — это люди, а не камни. Мы остались. Нас немного, но мы остались.

— Рад за вас. Ну а в моем царстве вы двое что забыли?

— Мой друг и сподвижник Бьярни ищет здесь знаний, — снисходительно ответил Ингвар. — Он книжник и скальд. Я же... я пришел бросить тебе вызов!

— Очень оригинально, — безразлично прокомментировал Кащей.

Ингвар Брюнбьёрнссон взирал на него без малейшего страха. Явно хоробр не из последних. А вот Бьярни... этот чуть заметно дергал нижней губой. Видно, не по себе было книжнику.

С Кащеем эти двое говорили на северной речи. Том языке, что в ходу у данов, шведов, норвегов и некоторых новгородцев. Русским Ингвар тоже владел, но так плохо, что сразу перешел на родной, едва лишь убедился, что царь Кащей его понимает.

Бьярни же в основном помалкивал. Кажется, жалел, что увязался в этот поход за сратником.

— Значит, ты бросаешь мне вызов, дан, — произнес Кащей. — Хочешь меня убить. Хек. Хек. Хек.

— Я норвежец, — недовольно поправил Ингвар. — Не называй меня даном, старикашка, не то...

— Не то что? Убьешь меня дважды?

— И одного раза достанет! — приосанился Ингвар. — Хотя ты и здесь ошибся — мне вовсе нет нужды тебя убивать. Не за тем я сюда пришел.

— Разве ты не сказал, что пришел бросить мне вызов?

— Вызов! Поединок! Благородный хольмганг! Я желаю испытать твою силу, Кащей, а вместе с ней и свою! У себя дома я равных в битве не знаю! Немало искал противников — не нашел достойных! Для того приплыл в Гардарику — здесь попробовать таких найти! И прослышал в вашем Новом Городе, что сильнейший здесь ты! Прослышал, что десятки рыцарей ездили в твое королевство, но назад ни один не вернулся!

— Говоря другими словами — ты хочешь меня убить, — подытожил Кащей.

— Необязательно, — пожал плечами Ингвар. — Теперь же я вижу... каков ты. Я ожидал встретить воина. Непобедимого воина — может, старого, но великого. А ты... может, твои славные дни просто позади?.. Очень-очень далеко позади?..

В глазах Кашея ничего не отразилось. Он все так же безучастно взирал на Ингвара, и лишь меч в его руке чуть заметно изогнулся, точно живой.

Кашей приподнял его, взвесил на руке и положил на трон. Вновь переведя взгляд на Ингвара, бессмертный царь произнес:

— Ты бесконечно глуп, но и бесконечно храбр, норвег. Как и большинство богатырей, что являются по мою голову. Но из уважения к дальнему пути, что ты проделал, я дам тебе послабление. Часы.

Слуга-татаровьин с поклоном поднес Кашею песочные часы. Ингвар и Бьярни недоуменно на это тарасились. Кашеи же придворные глумливо скалились, перешептывались, а какой-то огромный людоящер гулко рокотал.

— Песку в этих часах — на три минуты, — сказал Кашей, ставя их на подлокотник. — Ровно три минуты я не буду защищаться. Если за это время сумеешь меня сразить — твое счастье. Уйдешь живым и даже с наградой. Не сумеешь — пеняй на себя.

На лице Ингвара отразилось сомнение. В своих силах он был уверен, но король Кашей тоже что-то уж слишком уверенно говорит. Молодой йомсвикинг не отличался хитростью, но глупцом его все же не называли.

А те, кто называл, — недолго потом радовались.

Ингвар покосился влево. Покосился вправо. Там и там холодными статуями высились дивии — эти ужасные Кашеи гридни. Ингвар не надеялся одолеть сразу двоих. Видал он их в бою. В королевство Кашея йомсвикинг явился не только сам-друг с Бьярни — с ними было еще четверо кнехтов. Но они столкнулись с дивиями — и те порубили храбрых мужей, как колбасу.

— Дай слово, что соблюдешь условия поединка, Кашей! — потребовал Ингвар.

— Соблюдаю, не сомневайся, — ледяным голосом подтвердил тот, переворачивая часы. — Твое время пошло, норвег.

С яростью, с диким криком берсерка взмахнул Ингвар мечом. Он чувствовал силу своего вут¹, чувствовал, что сам Тор направляет его клинок. Йомсвикинг уже знал, видел, как булатная сталь распахивает трухлявого старикашку надвое!..

...И едва не рухнул, встретив на пути пустоту. Король Кащей с небывалой быстротой ушел из-под удара, отклонился всего на шаг — в самое последнее мгновение.

Еще удар!.. Еще взмах!.. Ингвар махал мечом неистово, как безумный, но каждый раз король Кащей успевал отойти, убрать голову.

— Ты же обещал не защищаться! — возмущился тяжело дышащий Ингвар.

— А я и не защищаюсь, — бесстрастно ответил Кащей. — Я увертываюсь. У тебя осталась минута, норвег.

Ингвар заработал мечом еще чаще, еще истовей. Да что толку? Тщедушный старец уклонялся от ударов с такой легкостью, словно его сдувало ветром. Ни разу еще Ингвар не встречал столь проворного противника.

— Время истекло, — произнес Кащей, едва на дно часов упала последняя песчинка. — Ты проиграл, норвег.

Голой рукой он выбил у Ингвара меч, резко подался вперед и впечатал витязю в лицо костлявую десницу. Тот замычал, задергался, но тощий старик оказался чудовищно силен. Едва коснулся висков подушечками пальцев — а сдавило словно кузнечными клещами!

Ингвар схватился за тонкое предплечье, потянул... но тут его руки обвисли. От ладони Кащей заструился черный дым, глаза Ингвара закатились, кожа пошла пузырями... и через несколько секунд он опал гнилым трупом. Во все стороны хлынул ужасающий смрад, и даже иные Кащеевы придворные брезгливо сморщились.

— Хек. Хек. Хек, — прозвучало под каменным сводом.

Книжник Бьярни стоял ни жив ни мертв. Ингвар Брюнбьёрнссон, его лучший друг, лучший воин среди всех, кого он знал... и вот так быстро погиб. Погиб от рук черного

¹ В ут — священная ярость берсерка. — *Примеч. авт.*

колдуна. Выходит, не ввали слухи, не ввали легенды... хотя это стало ясно, едва Бьярни увидел эти боевые автоматы — дивиев.

— А ты зачем здесь, грамотей? — обратился к нему бесстрастный лик Кащей. — На богатыря не тянешь, оружия не имеешь. Зачем пожаловал?

— Я ученый, ваше величество! — собрал всю храбрость в кулак Бьярни. — Искатель знаний! Я составил компанию моему бесстрашному товарищу, поскольку многие годы уже собираю сведения о тебе и о твоём королевстве! В основном то пустые слухи, побасенки, саги русов и хулительные ниды... но из них складывается довольно четкий образ... и вот я решил увидеть тебя воочию и задать тебе несколько вопросов. Если позволишь, конечно, — поспешил добавить он.

— Хулительные ниды? — переспросил Кащей. — Забавно. Хек. Хек. Хек. Ты весьма необычный гость для этих стен, грамотей. А я, что бы ни говорили обо мне злопыхатели, не убиваю своих гостей без причины. Только тех из них, что пытаются меня ограбить или убить. Эти сами напрашиваются на гибель, тебе не кажется? Но ты — дело иное. Я позволю тебе расспросить меня.

— Благодарю вас, ваше величество!.. — обрадованно воскликнул Бьярни... но Кащей поднял костлявую ладонь. Он еще не закончил.

— Однако ничто не дается просто так, — продолжил он. — Знания — это тоже ценность. Причем немалая. Если ты хочешь получить их от меня, ты должен быть готов дать что-то взамен. Что ты можешь мне предложить, грамотей?

Бьярни замешкался. Предложить ему было нечего. В кошельке найдется горсть монет, но вряд ли Кащей примет такую плату. Пожалуй, еще и рассмеется в лицо.

— Что я могу предложить тому, кто богаче всех на земле? — развел руками он. — Разве что свою голову — да только к чему она тебе?

— Голову, говоришь? — равнодушно глянул Кащей. — Ты прав, голова твоя мне ни к чему. Но я не откажусь побиться об заклад. Я позволю тебе задать три вопроса. Любых. Но только три, не более. Если хоть на один из них я ответа не сыщу —

уйдешь отсюда подобру-поздорову. Если же отвечу на все три — расплатишься собственной головой.

— Договорились! — быстро ответил Бьярни. — Я отдам тебе голову. Но только голову, и ничего кроме нее.

— Срядились, — кивнул Кащей. — Задавай свои вопросы.

— Хорошо, — довольно потер руки книжник. — Вот первый. Я многое слышал о тебе, очень многое. Говорят, что ты живешь на свете уже тысячи лет, что ты бессмертен. Говорят, что ты черный колдун, что твой отец — йотун, слуга Хель.

— Много говорят, — согласился Кащей. — Но я пока не слышу вопроса.

— А когда мы с Ингваром путешествовали по Гардарике, то слышали, что ты затеял войну с русинами. Затеял вторгнуться в их герцогства с огнем и мечом. Правда ли это?

— Чистая правда, — подтвердил Кащей. — Твой первый вопрос был очень легким. Каким будет второй?

— Второй вопрос тоже не будет труден. Я хочу знать — когда? Когда ты планируешь напасть на Гардарiku?

— Этой весной, — ответил Кащей. — Едва спадет снег, мои орды двинутся на Русь и уничтожат ее. А затем мы двинемся и дальше — на земли урман, немцев и фрягов. Дойдем до самой Атлантики. Достаточно ли я ответил на твой второй вопрос?

— Вполне достаточно. Теперь выслушай третий. Зачем? Для чего тебе это?

— Чтобы уничтожить всех людей, — ответил Кащей и начал приподниматься с трона.

— Нет, погоди! — поспешил Бьярни. — Я спрашивал не о том и такой ответ не принимаю! Я хочу знать, для чего тебе уничтожать всех людей! Чего ради, для какой выгоды?

— Не для выгоды. Для безопасности.

— Для безопасности?.. — нахмурился Бьярни. — Но... что такого опасного в людях? Чем они хуже псоглавцев, людоящеров и других твоих подданных? Разве мы так уж злее их? Да и среди твоих же придворных тоже есть люди — хоть татаровья...

— Люди ничем не хуже любых других народов, — равнодушно ответил Кащей. — Не злее, не опаснее, не коварнее. Просто так вышло, что люди оказались многочисленнее их.

Люди сжили со свету большую часть нелюдей, а немногих уцелевших — вытеснили в самые глухие углы. Мое царство — единственный уголок, где их все еще хватает.

— Ну так и что же? — пожал плечами Бьярни. — Пусть здесь и живут, здесь их никто не тронет. Разве тебе самому люди чем-нибудь угрожают?

— Сейчас — ничем, — согласился Кащей. — Сейчас люди еще очень слабы. Их жалкие потуги посягнуть на мою власть и богатство даже вносят некоторое разнообразие в обычную серость бытия. Но так будет не всегда. С каждым веком люди становятся все сильнее, забирают все больше земель. А я бессмертен. Я буду жить вечно. И если оставить все как есть, рано или поздно люди лишат меня всего, чем я владею. Нельзя позволять ядовитому змею вырасти и стать опасным — нужно раздавить его в зародыше, пока он только-только начал поднимать голову.

— Я понял твою точку зрения, — кисло произнес Бьярни. — Что ж... ты ответил на мои три вопроса...

— И в самом деле, — кивнул Кащей. — Должен сказать, если бы я был способен испытывать чувства, я бы испытал удивление. Мне думалось, что твои вопросы или хотя бы последний из них окажутся небывало сложными. Возможно, во все не имеющими ответа. Но ты просто спросил о моих планах на будущее. Не жалко ли отдавать за это голову?

— Жалко, — пожал плечами Бьярни. — Но я дал слово — я его сдержу. Забирай мою голову, Кащей...

Кащей взялся за рукоять Аспид-Змея. Но в глазах Бьярни сверкнул лукавый огонек, и он торопливо добавил:

— Но только голову! Голову свою я проспорил, но шею — нет! Поэтому не смей даже прикасаться к моей шее, иначе нарушишь слово!

На пару секунд Кащей замер, внимательно рассматривая хитрого книжника, пожал плечами и произнес:

— Что ж, твоя взяла. Я не в силах забрать у тебя голову, не тронув шеи. Так что я возьму только половину головы.

— Что?..

Мигом спустя свистнул страшный меч Кащея. Аспид-Змей ударил несчастного книжника в висок, отсек полчерепа точно

бритвой. Послышалось жуткое хлюпанье — черный клинок жадно пил кровь.

— А другую половину можешь оставить себе, — закончил Кащей, обращаясь уже к трупу. — И шею тоже.

Разобравшись с незваными гостями, Кащей еще некоторое время занимался государственными делами. Кащеево Царство велико и обильно, забот у его царя хватает. То повесить кого-нибудь, то голову отрубить, то запытать мучительно... а когда-никогда и на все четыре стороны отпустить. Редко, но тоже случается.

Явился Сам-с-Ноготь, старшина горных карлов, доложил про окончание работ над «Огненными щитами». Хорошие машины, многосильные. Кабы еще железа поболе — а то запасы уж дно показывают. Карлы Каменного Пояса металл шлюют плохо, жмутся. Не иначе Озем с Малахитницей их подговорили или запугали.

Кащей выслушал это равнодушно, повелел пока работать с тем, что осталось. Боевых машин Сам-с-Ноготь и без того наделал уж больше нужного. Пройдется Кащей по русским княжествам — снова будет с железом.

А Каменный Пояс... пусть пока стоит за спиной. Не годится еще и с Горным Хозяином сейчас ссориться. Тот и без того Кащеем озадачен — гадает, поди, для чего тот ключ-камень не забрал, ему оставил.

— Хек. Хек. Хек, — издал сухие звуки Кащей, вспомнив, что открылось ему в тот день.

Коснулось небозема солнце. Где-то там, за дремучими лесами, люди стали укладываться спать. Но в Кащеевом Царстве стало как бы даже не веселее. Очень уж многие Кащеевы подданные спят как раз днем, а живут ночью. Повылазили из могил упыри, выбрались откуда-то шуликуны, закопошились во мраке навьи.

Сам же владыка сих мест отправился в казну, на еженощное бдение. Заперся средь звонкого злата и принялся перебирать монеты, пересчитывать их с жадным блеском в очах. Сундук за сундуком, ларец за ларцом, скрыня за скрыней. Бесценные сокровища струились меж костлявых пальцев, падали обротно с тусклым звоном.

Здесь и сейчас Кащей ощущал себя почти живым. Только над своим златом он все еще испытывал какие-то человеческие чувства. Каждую ночь наведывался в эту святая святых — раз за разом, снова и снова. Никто не тревожил его во время этого корпения — разве что мизгирь-казначей шуршал где-то поодаль.

Однако сегодня что-то шло не так. Кащей ощущал какую-то... нехватку. Чего-то недоставало в обычном ритуале. Что-то было неправильно. Что-то совсем незначительное... мелкое...

А потом Кащей понял. Скрыня, в которой хранились номисмы царя Константина, весила меньше должного. Совсем чуть-чуть, на один-единственный золотник — но меньше.

Кашей скрупулезно пересчитал монеты. Быстро-быстро перебирая их меж пальцев, он приготовился уже произнести «тысяча четыреста семьдесят шесть», как произносил всегда, но...

— Тысяча четыреста семьдесят пять, — каменным голосом сказал он. — Тысяча четыреста семьдесят пять.

Он счел еще раз. И еще. Но и на второй, и на третий раз номисм оставалось только тысяча четыреста семьдесят пять. А это означало, что случилось страшное. Означало, что скоро прольется чья-то кровь.

— Кто-то украл мою монету, — скрючил пальцы Кащей. — Переверну леса и долы, но татя покараю.

Быстрым шагом Кащей покинул казну, пересек позлащенную галерею и вошел в свой заветный садик. Дивное место, малый кусочек острова Буяна. Здесь бессмертный царь хранил самые чудесные свои драгоценности — не злато, не самоцветы, но разные волшебные вещицы.

Здесь на цепи сидела амфисбена — ужасная змеюка о двух головах. Нет более надежного стража — пока одна глава амфисбены дремлет, другая бдит, стережет Кашеево добро.

А в злаченой клетке спрятала голову под крыло удивительная птица — с перьями ярче солнца. Ее Кащей изловил совсем недавно — и даже не сам Кащей, а соратники верные. Соловей Рахманович с коршунами на охоту ездил, свистом звериным сбил с небес диво в перьях, да и преподнес царю-батюшке.

Но ни до амфисбены, ни до Жар-Птицы Кащейю сейчас дела не было. Он прошествовал к беседке с хрустальным столиком и положил сухие длани на огромное блюдо.

— Помоги, блюдце чудесное, покажи всех врагов моих, — произнес Кащей. — Покажи, кто злобу черную на меня затаил. Покажи, кто козни против меня строит.

Блюдце замерцало, засветилось. Сначала в нем побежали облака, отразилось закатное небо. Верно, Русь — в Кащеевом Царстве уже совсем стемнело, а в землях немцев еще только ужинать садятся.

Потом появились фигурки. Два... три... пять оборванцев с дрекольем, сидящие в кустах у дороги. Не иначе разбойники, путников подстерегают. На вид меряне.

Кащей впервые видел их рожи.

— Это отребье? — спросил он блюдце. — Чем же они мне грозят?

Но тут на волшебной картине появился кто-то еще. По дороге пронесся будто серый вихрь — да так быстро, что разбойники не успели даже вскочить. Только глаза повыпучивали.

И вот этот вихрь Кащей стал рассматривать очень внимательно. Теперь блюдце показывало уже только его. Рослого румяного парня с золотых кудрях и васильковых глазах, сидящего на огромном волке. Кащей сразу узнал обоих.

— Так вот кого ты мне показываешь, — произнес он вслух. — Середульный Волхович, кто бы мог подумать. Опять он. И меньшей Берендеич.

Конечно, Кащей ни на миг не заподозрил, что это княжич Иван с Серым Волком похитили его монету. Да и не до монеты ему уже было. Вдали от несметной казны Кащей оставила та болезненная алчность, что затмевала разум и лишала здравости мысли. Теперь уж он не придавал значения пропаже — подумаешь, одна номисма. Видно, выпала случайно, закатилась куда-нибудь.

А вот княжич верхом на оборотне точно заслуживают интереса. Вестимо, не просто так чудесное блюдце ему их показывает. Значит, нехоршее что-то эти двое против него замышляют.

— Куда же это вы так спешите? — сказал Кащей, пристально изучая картинку в блюдце. — На закат? А что там, на закате? Не в Новгород ли едете? А зачем вам в Новгород?

— Пошто сам с собой балакаешь, Кащеюшка? — прошамкала сзади. — Умом наконец-то рехнулся?

— Просто рассуждаю вслух, — безразлично бросил Кащей.

— Ну так я ж и говорю — умом рехнулся! Давно тебе пора было — вон ты какой старый да вонючий! Когда последний раз в байне был? Мож, истопить тебе байну-то? А то я мигом!

Одетая в лохмотья старуха вошла в беседку и тоже сунула крючковатый нос в блюдце. При виде Ивана и Яромира рожа бабы-яги перекосилась, пошла злобными морщинами.

— Фу, фу, фу!.. — прошипела она. — Ванька-Дурак да Волхово отродье!.. Век бы их видом не видывать, слыхом не слыхивать!.. Нашли-ка на них, Кащеюшка, пакость лютую, смерть им устрой неминуемую!

— Придется, — равнодушно подтвердил Кащей. — Не прислушались сыновья Волха к предупреждению Жердяя. Продолжают воду мутить. Что ж, братья-оборотни, не хотелось мне вас убирать, да, видно, придется. Ясного Сокола я уже в темницу бросил, теперь Серого Волка черед.

— А что насчет Гнедого Тура, батюшка? — искательно заглянула Кащейю в лицо Яга Ягишна.

— О нем тоже позаботимся, — пообещал Кащей. — Но вначале — Серый Волк.

— Пошли за ним чудище какое-нибудь! — жадно оскалилась баба-яга. — Только не кого попало — этот песий сын не лыком шит, да и Ванька-Дурак мастак мечом размахивать! Дурное-то дело нехитрое, ему как раз впору! Так что ты пострашнее кого пошли, поужаснее!.. Горыныча пошли!

— Нет, — отказался Кащей. — Горыныч слишком велик и громок, незаметно ему на Русь не слетать. Он и так воду взбаламутил, когда кота Баюна вызволял. Да и разыскивать их Горыныч долго будет. Другого пошлю, потише да пошустрее.

— Это кого ж?

— Очочочи. Когда нужно кого изловить, он себе равных не знает.

Сопровождаемый кутающейся в собачью ягу старухой, Кашей спустился во двор. Там, как обычно, творилась кутерьма. Кто-то что-то волок, кто-то что-то грыз, кто-то с кем-то сворился. Двое псоглавцев что-то не поделили с крупным людоящером и залиvisto на него тявкали. Несколько горных карл понуро выслушивали отчитывающего их Сам-с-Ногтя. Из дальнего конца слышался оглушительный звон — то Горыня отвешивал Дубине щелчки. Братья-велеты играли в кости.

При появлении Кашея все сразу замирало, стихало. Нелюди, нежить, нечисть и прочие страхолюды испарялись с пути своего царя, страшась помешать ему единым звуком. Только дивии оставались недвижимы, лишь чуть повертывая железные головы.

Дворов при Костяном Дворце несметное множество. Слово не дворец вовсе это, а малый городок. Изрядная толика Кашеева войска разбила здесь стоянку. Хлевы повсюду, конюшни, псарни. Есть «псарне-конюшни» — там псоглавцы своих коней с собачьими мордами держат. Один двор, особо просторный, весь в распоряжении Змея Горыныча.

А Кашей прошел к замызганному, в кровавых потеках сараю. Оттуда доносились два голоса.

— М-ма!.. Мэ-мэ!.. Мммооо!.. — то ли рычал, то ли блял один.

— Кабы не было зимы в городах и селах, никогда б не мерзли мы... сука, да что ж так холодно-то?! — то ли напевал, то ли бранился другой. — На улице погода в любое время года паршивая такая, что просто подыхаю...

— Здравствуй, здравствуй, котище Баюнице!.. — сунула нос в сарай Яга Ягишна. — Как живешь-можешь, все ли поздорову?

— Изыди, бабка! — фыркнул огромный зверь, утирая окровавленную морду. — Не видишь, кот Баюн трапезничать изволит?!

Он и в самом деле жадно чавкал, уминая целую коровью тушу. Точнее, полтуши — вторую половину терзал жуткий страхолюд. Козлоногий, козлорогий, с торчащим из груди лезвием-полумесяцем. Это и был Очокочи — старый рикирал

дак, топорогрудый сатир. Возможно, самый последний сатир на свете.

— Очокочи, — подозвал Кащей.

— Мэ-э-э-э-э?.. — поднял морду рикирал дак.

— Отправись на закат, в Новгородскую землю. Там разыщешь волка-оборотня и при нем человека. Убьешь обоих.

— Мэ-э-э-э!..

Рикирал дак жадно принюхался к воздуху. Прирожденный охотник, он мог найти кого угодно и где угодно. Мог идти по следу лучше любой собаки, преследовать добычу днями и седмицами.

Но... даже Очокочи нужно с чего-то начать. Новгородская земля очень большая.

Это он и сказал Кащейю, издав долгую череду мемеканий.

— Сейчас они едут по землям мерян, — ответил Кащей. — На закате от Шексны, на полудне от Белоозера. Двигутся на закат — видимо, в Новгород. Там ищи их.

— М-мэ-э-мэ-э!.. Ме-меэ!.. Ммо!..

— Лешие все уже спать легли. Если даже кто и припозднился — им сейчас не до тебя.

— Ммууу-ммэ?..

— Да. Вышлю тебе их в помощь. Они уж точно выследят.

— Ме, — коротко кивнул Очокочи, крюча когтистые пальцы.

— При человеке будет меч-кладенец. Доставишь его мне.

Кот Баюн прислушивался к этому разговору с небывалым интересом. Уразумев, что Кащей посылает козлочеловека не за кем иным, а за Ванькой с Яромиркой — чтоб им пусто было! — он торопливо сглотнул особо лакомый кус и вкрадчиво мяукнул:

— Дозволь, батюшка, и мне на охоту пойти! Уж пособлю дружку Очокочи, помогу людишек выслеживать! Заманю, заплету, замучаю!

— Мести жаждешь? — пристально глянул на него Кащей.

— Я кот, батюшка. Немыслимо для кота обиду позабыть. Я и на смертном одре всех перечислю, кто мне когда на лапку наступил. Кошачья память на такие вещи крепка.

Кащей на секунду задумался, а потом кивнул. И то, пусть Баюн тоже прогуляется, разомнет лапы. Не стоит недооцени-

вать Серого Волка — вдруг да выйдет так, что одного Очокочи не хватит? Жердя с его лембоями княжич Иван да сын Волха одолели, истребили... и даже с Врыколаком каким-то образом совладали. А уж это чудовище было куда посильнее Очокочи...

Конечно, Кащей пошлет с Очокочи кметов, да не простых... но с верным товарищем всяко будет надежнее.

— Ступайте вдвоем, — произнес Кащей. — Да смотрите осторожней там.

Баюн издал довольное мурчанье, понижая опуская голову. Не хотел взглянуть Кащею в глаза.

Он ведь так и не сказал ему, что открыл проклятому оборотню, где спрятано каменное яйцо. Неизвестно, что с ним баюшка Кащей за такую измену сделает. Надо избавиться от этих двоих, прежде чем Кащей узнает, что направляются они вовсе не в Новгород, а к самому острову Буяну...

ГЛАВА 2

В ушах Ивана свистел ветер. Прикрытые лисьей шапкой кудри обдувало морозцем. Грудень на исходе, скоро и студень явится. Первый снег уж выпал, землю белым припорошил.

Эх, а красота-то вокруг какая! Красотища! То лес, то поле, то речки берег! Просторы несказанные!

Зело велика ты, Русь, зело привольна! А княжеств на твоём лике — без счёту, и все под Рюриковичами! Черниговское, Смоленское, Полоцкое, Переяславское, Турово-Пинское — везде Рюриковичи сидят, везде мудро правят, по-отечески.

Под Рюриковичами и Тиборское княжество. Далекое, глухое, на самом рубеже Кащеева Царства, но славное, богатое и несказанно прекрасное.

Хотя до Берендея Вячеславича славным и богатым оно почитай что и не было — сплошь леса, топи, да где-то посреди затерявшийся городок Тиборск. Оно и самостоятельным княжеством-то многими не считалось — иные числили его куском Владимирского.

Но вот же вам шиш! Не был Тиборск под Владимиром, да и не будет! Ужо князь Берендей о том позаботился!

Славный был князь, великий. Четверть мог в одиночку выкушать. И сыновья у него славные. Умный Глеб, храбрый Игорь, да он, Иван... тоже славный княжич.

Пока только княжич, к сожалению. Хотя по лествичному праву Ивану уж давно положено не княжичем быть, а князем. А то Глеб по батюшкиной-то кончине, понятно, Тиборск занял, Игорю Ратич выделили — тоже добрый город. А ему-то, а Ивану?! Раньше, понятно, молодешенек был, но теперь-то уж повзрослел, взматерел! Отчего б не получить ему в удельное княжение тот же Кладень или Ярый? Чем он им не князь?

Иван у Глеба уж спрашивал о том, да тот отнекивался. Ни да ни нет. А теперь уж, верно, и вовсе с меньшим брательником говорить не восхочет — после такой-то обиды...

Вспомнив о том своем глупом поступке, Иван аж вздрогнул. Эх, вечно у него все так, вечно не слава богу...

Яромир тем временем сбавлял ход. С самого утра борзопый оборотень тащил Ивана на спине, притомился. Почитай, двести верст за день отмахал.

— Все, слезай, — наконец прохрипел он, поводя плечами.

Иван скатился с мохнатой спины сам и сбросил котому. Вторые сутки миновали как они выехали из Тиборска. Вторые сутки Яромир землю ногами меряет.

— Ух, холодрыга смертная! — подул на ладони Иван, пока громадный волк кувыркался через голову.

— Хворосту набери, — велел Яромир, поднимаясь уже человеком. — Костер будем ставить. Поспим, животы набьем, а завтра до рассвету опять в дорогу.

— Куда спешить-то так? — поежился Иван, застегивая мятель. — Чать, не уйдет Буян на дно, пока добираемся... Да и Кащей до лета не стронется...

— Зато холодает с каждым днем все больше, — ответил Яромир. — Морозы с полуночи идут — лютые, страшные. Поспешать надо, не то нагонят. А нам еще в Новгород завернуть...

Пока разводили костер, совсем стемнело. Холодало действительно не на шутку. Яромир подвинулся ближе к огню, протянул руки. Оставшись без шерсти, он сразу стал мерзнуть. Из одежды на нем по-прежнему были все те же рубаха, гача и ного-

вицы — шапки нет, обувки нет. Иван сердобольно глянул на товарища и достал из котомы теплое корзно.

— Лет десять назад зима такая же холодная была, — вспомнил он. — Ох и померзли мы!.. В кремле-то еще ладно, у печи, а вот Разбой, пес дворовый, чуть не околел с холоду. Без меня б точно околел.

— Без тебя?.. — приподнял бровь Яромир.

— Ну мне его жалко стало, я ему дров принес.

— Дров?.. И много?

— Полную будку напихал! — гордо заявил Иван. — Он потом даже влезть в нее не мог!

— Ишь какой ты добрый, — усмехнулся Яромир, подкидывая в костер еще ветку.

Достали харчи, поснедали. Ужина княжичу с оборотнем выпала незатейливая — аржаной каравай, пара луковок и кусок колбасы из свиного хребта. Каравай еще мягкий, духмяный — только днесь купили в придорожной корчме.

Иван взялся резать его прямо мечом-кладенцом, но Яромир укоризненно на него глянул и достал нож. Пластуя хлеб ломтями, он задумчиво говорил:

— Завтра, чаю, уже по Новгородской земле побежим. А послезавтра, даст Род, в Новгороде будем. Край — послепослезавтра.

— Лучше послезавтра, — грустно сказал Иван. — Неохота опять в чистом поле ночевать. Вчерась вон хоть на мельнице спали... Все лучше, чем так.

— Здесь мельниц нет, — развел руками Яромир. — Тут места дикие еще, народу почти не сыскать. Вот разве чуток на полудень скит монашеский...

— Что за скит?

— Троицкий монастырь. Шестьдесят годов назад явился из Киева монах Герасим, устроил на Кайсаровом ручье обитель...

— Может, дойдем, ночевать попросимся? — оживился Иван.

— Мне в монастырь чего-то неохота — чернецы оборотней не любят...

— И чего это они вдруг? — хмыкнул Иван.

— Да поди разбери.

Иван вздохнул, делая ботербород из хлеба, лука и колбасы. Не очень ему нравилось такое кушанье.

— Ты не подумай, я ничего, я не капризный, — заверил он, поймав насмешливый взгляд Яромира. — Просто я все ж таки княжич, мне вот так вот ночевать-то неместно. Княжич должен почивать в теплой постеле, у теплой печи, с теплой девкой под боком. А тут жестко, холодно, сыро, волки воют... кстати, чего это они так развылись?..

Вой и впрямь доносился громкий. Настырный такой, злющий. Иван невольно положил длань на рукоять Самосека.

— Это они меня чувят, — угрюмо ответил Яромир. — Недовольны, что на их угоды забрел. Ругаются. Прочь гонят. Угрожают.

— Тебе?! — поразился Иван. — Ты ж сам волчара!

— Волки тоже оборотней не любят... — вздохнул Яромир. — Тяжко быть между — для людей я волк, для волков человек... Ни в городе Богдан, ни на селе Селифан. Нигде мне не рады, везде чужак...

Иван поежился, боязливо поглядывая на чернеющую стену леса. Они с Яромиром остановились на опушке, прикрывшись деревьями от холодного ветра. К восходу поблескивала водная гладь — один из малых притоков Шексны.

— А к нам они не сунутся? — спросил княжич.

— Не сунутся. Волки оборотней не токмо не любят, но и остерегаются. Знают, что ко мне лучше не лезть.

Яромир ослабился, и в его небритой ехидной роже проступило что-то волчье. Ивана снова передернуло — он уж давно по привычке к такому товарищу, не страшился его ничуть, но порой все же екало внутри.

— А что холодно и грязно — это уж извини, мамки с няньками дома остались, — ухмыльнулся Яромир. — Да и путь впереди еще неблизкий.

— Да я что, я ничего, — сердито ответил Иван. — Я, чать, и до тебя, бывало, по лесам да полям странствовал, да без мамок с няньками. Помнишь, как я тебя из капкана-то освободил?

— Мудрено забыть, — склонил голову Яромир. — Спасибо тебе на том.

— Вот! Я ж тогда из Тиборска в Ратич ехал — да один, без сопровождения! Просто вот взял, оседлал Сивку, да и поехал! Сам по себе!

— Молодец какой, — похвалил Яромир.

— Еще б не молодец! — подбоченился Иван. — Я, да будет тебе ведомо, не токмо ликом красен, да телом статен — мне похвалиться много чем есть!

— Ишь как. И давно ли?

— С самого рождения. Родился я всем хорош, всем пригож! По локти в серебре, по колено в золоте! Все отрочество как сыр в масле катался! Скажу, бывало, батюшке аль матушке — хочу того-то!.. так сей же час все и получаю!

Глаза Ивана затянуло мечтательной поволокой — вспомнилось счастливое беззаботное детство.

Яромир хмыкнул — насмешливо, но и с легкой завистью. Его батюшка, Волх Всеславич, оставил подлунный мир, когда Яромиру было неполных пять лет, и он его почти не помнил. Так, смутные образы — раскатистый смех, поднимающие к небу огромные руки, колючая щетина, трущаяся о гладкую детскую щечку...

Вот братка Бречислава помнит поболе — он старше на три года. Зато Финист вообще ничего — тризну отца он встретил двухлетним несмышленишем. Ну а сестренка... здесь на лицо Яромира набежала тень.

Совсем уже стемнело, небо звездами усыпало. Только малый костерок и сверкал на заснеженном поле искоркой. Яромир лежал на земле, завернувшись в корзно, Иван все еще что-то лениво жевал.

Ясно сегодня, ни облачка. Только на восходе легкая дымка. Вот черноту прочертило лучистой полоской, исчезло у самого небозема...

— Ангел за душой усопшего полетел... — протянул Иван, глядя на падающую звезду.

— Или Змей Горыныч на лету облегчился, — добавил Яромир.

— Что-то у тебя версия гадкая какая-то. Моя лучше.

— Знамо лучше, — согласился Яромир. — Эх, а вывездило-то как... Ночью мороз будет.

— Правда? — огорчился Иван. — Откуда знаешь? Ты ж не провидец!

— Не провидец. Но и не слепой. Вон как Конь на Приколе мерцает — верная примета, к заморозкам.

Иван попытался найти указанное созвездие. Не нашел. Про Коня на Приколе он слышал, но как тот выглядит — не помнил.

Зато Иван нашел Стожар-звезду — она в форме ковшика. А вон там Утиное Гнездо. А те три звездочки — братья Кигачи, что ездят по небу на колесницах.

Больше Иван звезд не знал. У матушки его, премудрой княгини Анастасии, книжки были важные, Шестоднев и Звездочтец — вот в них все было подробно обсказано. Когда Иван еще малой был совсем, матушка порой брала его на коленки да читала из тех книжек — где какая звездочка посажена да что она пророчит.

Только Иван почти все с тех пор позабыл — матушки-то уж двенадцатый год на свете нет. Всего-то девять годочков было Ванюше, когда преставилась. Батюшка тогда горевал сильно, тосковал. Повторно так и не женился, до смерти вдовел.

— ...Грамоте меня научили, то слава богу, — рассказывал княжич Яромиру. — Глагольной. Счету еще... до двух дюжин. На пальцах и костыми. А прочих ученостей всяких я не постигал — неумок потому. Меня учить — что рыбу в бочке топить: проку нема, одна маета.

— Так ли уж и нема? — усомнился Яромир.

— Да вот сам посуди. У Берендея Вячеславича, батюшки нашего, три сына было. Из тех, что до усов достигли, конечно. Глеб, Игорь, да я сам-третей. Глеб всегда из нас наиперший был. Такой умник-разумник, что иногда аж врезать ему тянуло. Батюшка с матушкой на него не нарадовались. Игорь тоже их радовал, но поменее. Так и сяк он был — вроде и ничего себе, а... и ничего особенного. Просто человек как человек — боярин хороший мог бы быть, а в князья не годился. Урожденный князь у нас Глеб. Ну а я-то... я что, я ничего. Мне даже матушка завсегда говорила — ты, Ванюша, у меня от природы глупенек, так и не учись всяким премудростям, а то совсем от них одуреешь. Я и не учился. По своей воле. Ан по чужой ино-

гдажды и приходилось, потому батюшка у нас суров был, всех троих сынов хотел в люди вывести.

— И чему ж тебя обучили? — заинтересовался Яромир. — Только грамоте и счету?

— Еще воинским умениям. Княжескому сыну без этого никуда. Помню, подходит ко мне, малому еще, воевода Самсон и молвит человеческим голосом — буду тебя, Ванька, на мечабиться учить. А я ему в ответ — лениво мне, дядька, не хочу.

— А он что?

— А он промеж ушей меня стукнул. Воевода Самсон нам, отрокам, заместо тятки родного был — чуть что не так, сразу подзатыльниками угощает. По-доброму, по-отечески.

— Так тумаклами и выучил? — одобрительно спросил Яромир.

— Ну а куда ж без этого... Зато уж ладно выучил, в богатыри вывел. Вон я теперь какой, крепкий да могучий...

Широко зевнув, Иван потер глаз кулаком и промямлил:

— Потом меня еще поэзии учили... Гехзаметру...

— Иди ты, — не поверил Яромир. — Так-таки и поэзии? И многому выучили?

— Да уж немало. Талан во мне еще в детстве прорезался. Помню, подходит ко мне, малому, матушка, да и говорит — а придумай-ко, Ванюшка, рифму к слову «пирожок». А я ей, прямо даже не задумываясь, с ходу: пирожок — язык обжег! Тогда-то и поняли родичи, что поэт в семье растет...

Иван зевнул еще шире. Яромир вдруг заметил, что он до сих пор странным образом возится с остатками колбасы. И зачем-то достал из котомы пузырек, подаренный волхвом Всегневом. Оборотень прищурился, принюхался и подозрительно спросил:

— А ты что там делаешь?

— Да вот, хочу еще одно молодильное яблоко соорудить, — охотно поделился Иван. — Только яблока у меня нет, так я молодильную колбасу сделаю.

— Чего-чего ты сделаешь?! — вскочил Яромир. — Ты... это же живая вода! Ты на кой ее туда вылил?! Ну ты... ты... как есть дурак!

— А что?! Яблоко молодильное — вещь полезная!

— Так оно же не так создается! Его еще семечком поливать нужно! А ты просто внутрь напхал... да еще и в колбасу!

— А вдруг и так получится!

— А вдруг нет?!

— А вдруг да?!

— Ну и что тогда?! Кому ты эту колбасу ладишь — себе или мне?!

Иван озадаченно почесал в затылке. И то сказать, молодильная колбаса ему еще долго не понадобится. Он обиженно осмотрел результат своих трудов, завернул в тряпицу и спрятал в котому.

— Бес попутал... — пробубнил он, виновато глядя на Яромира.

— Бес... Зря только живую воду извел... — проворчал тот, выхватывая почти опустевший пузырек.

— Да ничего, там еще осталось немножко...

— Немножко. На один разок. Одну рану заживить. А было б на три, на четыре. Дурак как есть, разбазариваешь ценный припас...

Костер уже почти потух. Раздосадованный, что сызнава сотворил глупость, Иван завернулся в теплый мятель, подложил под голову кулак и закрыл глаза. Сон, правда, все равно не шел. Голову распирало от думок. О родном княжестве, о древних временах, о их с Яромиром пути на остров Буян...

И о Кащее Бессмертном. О нем Иван размышлял особенно упорно. Вспоминал сказ деда Бояна, ломал голову над каждой строкой. Крепкой памятью молодой княжич похвастаться не мог, но вот именно эта песня почему-то в нее врезалась.

— Слушай, а я вот тут подумал... — произнес он. — Кащей — он бессмертный, верно?

— Вроде так, — ответил Яромир.

— А если ему руку отрубить, что будет?

— Новая вырастет.

— А если ногу?

— То же самое.

— А голову?

— Голова новая вырастет.

— Ага... — задумался Иван. — А вот если исхитриться и разрубить Кащея точно пополам? Вдоль. Чтоб были две одинаковые половинки. Тогда как?

— У-у-у... а вот это трудный вопрос...

— Может, он тогда все-таки помрет?

— Может, и помрет. А может, наоборот, из каждой половинки другая вырастет. И будет у нас два Кащея.

— Так это ж тоже хорошо! — оживился Иван. — Они ведь тогда наверняка передерутся!

— А ну как не передерутся? Ну как подружатся, да вместе на нас и накинутся?

Иван что-то невнятно пробурчал, прижимая к себе покрепче Самосек. Задумка ему все одно понравилась. Если с иглой в яйце не получится — надо будет проверить, что из нее выйдет.

Только вот как бы этак исхитриться, чтобы разрубить точно пополам?

Через несколько минут он наконец задрях. Над полем поплыл раскатистый храп здорового молодца.

Яромир же, будучи оборотнем, спать не хотел вовсе. Человечья-то личина вдосталь отдохнула, пока волчья княжьего сына на хребтине везла. Так что он уселся спиной к еще тлеющим угольям, закутался в теплое корзно и усталился желтыми глазами во мрак.

В лесу по-прежнему выли волки.

ГЛАВА 3

Тоскливо было Акъялу. Славный батыр, победитель многих, уже два месяца он томился в зиндане Кащей-бабая. С болью в сердце вспоминал свой срам, свое быстрое поражение. Вспоминал, как разлетелся вдребезги булатный меч, как голыми руками скрутил его черный колдун.

Эх, были бы здесь Урман и Тау... Не так они хороши в битве, как старший их побратим, дважды Акъял выручал их из беды, а вот наоборот не случалось... но все же батыры они добрые. Уж верно втроем они бы что-ничто, а придумали.

Снаружи хлестал ливень, было холодно и мокро. Первые дни Акъял старался выломать решетку на окне, да понял со временем, что не удастся. Очень уж прочные прутья.

А даже если выломает — дальше куда? Стена гладкая, отвесная, внизу камень. Зацепиться не за что, падать высоко. Была бы веревка хоть — так ведь нет веревки.

В дверь стукнули, раздалось рявканье. Акъял быстро уселся на лежанку — запомнил уже, как себя вести.

Его камеру стерегут псоглавцы. Целыми днями расхаживают по коридорам — нюхают, рычат, как собаки.

Злые они. Акъял поначалу не знал насколько, думал вырваться — одолели, избили, да еще и покусали. Ноги изгрызли, руки изгрызли... Долго болело потом, глубокие рубцы остались.

В саму камеру псоглавцы не зашли. Никогда не заходят. Как обычно — приоткрыли дверь, швырнули на пол сухую лепешку, кусок вонючей казы, плеснули воды в кувшин, прорычали что-то на своем песьем и вышли.

Акъял расплел ноги, понюхал казы, поморщился. Сильно старый мерин был.

От стены раздался шорох. Опять крысы. В Костяном Дворце их полным-полно. Да здоровые, кусачие!..

Акъял вырвал клок пакли из лежанки, взял черепок от прежнего кувшина, разбившегося, и уселся у стены. Крысу надо убить, нору законопатить. Иначе придет, когда Акъял будет спать, из него самого клок вырвет.

Так ждал он не одну минуту. Шорохи становились все громче, все ближе. Вот совсем громко... и в стене появилась дырка!

Акъял приготовился, замахнулся черепком... но в последний миг замер, ахнул изумленно. Из дырки высунулась не крысиная морда, а человечья рука. Грязная ужасно, с обломанными ногтями, но точно человечья.

— Ау, кто там?.. — негромко позвал Акъял.

В ответ донеслось только шебурище. На глазах узника дырка еще расширилась, сыпля во все стороны каменной крошкой. Вот уже достаточно, чтобы человеку пролезть...

В зиндан протиснулась чья-то голова. Волосы как солома, усишки тоненькие, нос крючком. Акъял смерил гостя подозрительным взглядом, но подал руку, помогая пролезть. Кем бы он ни был — все человек, не нежить Кашеева.

— Это восьмая камера? — сипло спросил пришелец.

— Нет, пятнадцатая, — ответил Акъял.

— Бесово семя, опять промазал... — сдавленно ругнулся гость.

— А зачем тебе восьмая?

— Если я все правильно рассчитал, восьмая угловая должна быть.

— И чего?

— У внешней стены.

— И чего?

— Оттуда наружу прокопаться можно.

— А-а-а... А можно с тобой?

— Можно. Только передохну сначала, — влез в камеру целиком пришелец.

Был он худ, изможден. Похоже, кормили его даже хуже, чем Акъяла. Тяжело дыша, он жадно тарасился на лепешку и казы.

Акъял, тоже голодный, молча протянул пришельцу свой обед. Тот в один глоток сожрал сразу половину и виновато пробурчал:

— Три дни уж во рту ни крошки...

— Вот бедолага, — посочувствовал Акъял. — Видать, осерчал на тебя Кашей-бабай.

— Да и не говори. Повезло, что я жив все еще. Ты, друже, кто сам будешь-то?

— Акъял-батыр зовусь, — гордо представился егет. — Слышал, может?

— Как не слышать, слышал. Это же ты птице Самруг-кош помог, птенцов ее спас?

— Я он самый и есть, — невольно подбоченился Акъял. — Только ты откуда о том прознал? Там никого не было, никто не знает.

— Птица знает. Она мне и сказала. Меня Финистом звать, — назвалса чужак. — Финист Ясный Сокол. Слышал, может?

— Слышал, как не слышать! — покивал Акъял. — Тоже много немало ты сделал. Побратаемся, Финист-батыр?

— А чего ж не побрататься-то с хорошим человеком? — ухмыльнулся Финист.

— Славно, — кивнул Акъял. — Давай кровь смешивать. Есть что острое? Чем нору копал?

— Перьями, — непонятно ответил Финист.

— Какими еще перьями?

— Собственными перьями.

Русский показал Акъялу несколько странных лезвий на тонких палочках... и вправду словно перья. Но при этом острые и прочные, будто из стали.

— Где взял такие ножи? — подивился Акъял.

— Говорю же — перья то мои, — поморщился Финист. — Из крыльев повидагивал. Стачиваются только быстро очень, а новые в один присест не вырастишь... Кабы хоть кормили, а то ведь и того нет...

— Ва! Это что ж, правду говорят, что ты человек-птица, Финист-батыр?! — поразился Акъял. — Я-то думал, вру... преувеличивают легонечко. Ну про всех же батыров чуть-чуть преувеличивают...

— И про тебя тоже?

— Не, про меня нет. Про меня только чистую правду говорят. Палец дам на отсечение.

— Ну и про меня — правду. Почти всегда.

Дожевав казы, Финист принялся мерить стены пядями, бормоча что-то вполголоса. Акъял внимательно смотрел на него, сложив руки на коленях. Его очень обрадовало новое знакомство, а в груди впервые за два месяца поселилась надежда.

— Ты у двери постой, ладно? — попросил Финист. — Нехорошо будет, коли стража меня тут найдет...

— Спокоен будь, Финист-батыр, — заверил Акъял. — Делай, что нужно, я постерегу.

Измерив всю камеру, Финист присмотрелся к окну. В его камере окон не было совсем, а вот у Акъяла одно имелось — хоть и совсем крохотное, забранное толстыми решетками. Руку не просунуть — палец разве.

Но Финист пока хотел не выбраться, а только осмотреться. Понять, что там снаружи, каким путем лучше бежать. Так что он грянулся телом об пол и вспорхнул уже соколом в золотистом оперении. Зревший это башкир восхищенно присвистнул.

В птичьем облике фалколак тоже не мог протиснуться. Он поточил клюв об один из прутьев, убедился, что тот изрядно прочен, и принялся разглядывать большой двор вниз.

Зорче сокола птиц немного — видел он каждую букашку так ясно, словно рядом с ней стоял. Слышал вот похуже, но Финист был ловок и по губам читать.

Особенно когда губы такие огромные. Сугубое внимание Финиста привлекли три громадные фигуры. В каждой — по две сажени, да еще шелома высокие, луковками. Один с топором, другой с мечом, третий с дубиной. Стоят у коновязи, лясы точат. Лошадь, что рядом привязана, косится со страхом — для этаких дылд она и за пони не сойдет.

Горыня, Дубиня и Усыня. Возможно, последние на свете живые велеты.

Когда-то на Руси жили не только велеты, но и асилки — тоже великанский народ. Первые были помельче, да зато поумнее. Вторые поздоровее, да зато глупы, как полено. Асилков до наших дней не дожило совсем, а вот велетов чуть-чуть осталось. Одна-единственная веточка, три брата-великана.

А баб велетских не осталось вовсе, так что новых уж не появится. Разве что полукровки, вроде Соловья Рахмановича.

Ходят слухи, что эта последняя веточка — не совсем и велетская. Вроде как согрешила не то бабка, не то даже и матка Горыни, Дубини да Усыни с последним асилком — оттого и глупы так эти трое.

По Руси они побродили немало, немало натворили всякого. В основном дурного, но были и добрые дела — хотя тоже все как-то невпопад, через пень-колоду. И в конце концов осели у царя Кашея под рукой.

Близ двухсаженных велетов суетились фигурки помельче — татаровья, людоящеры. Великий набег готовит Кашей, исключительный. За всю историю его царства не бывало еще таких. Финисту кровь из носу нужно было бежать из узилища,

вернуться к Бречиславу, рассказать о увиденном и услышанном.

О самом-то набеге, конечно, на Руси уже знают. Кащей сам позаботился, чтоб все о нем знали. Чтоб со страху портки обмочили. Он вообще рассчитывал, что взбешенный князь Глеб соберет дружину, бросится мстить за убиенного брата и разрушенный Ратич. Ну а Кащей его здесь легко разобьет и пойдет на уже беззащитный Тиборск.

Но здесь по его не вышло. Спасибо братцу Бречиславу — разгадал Кашеевы козни, отговорил князя от неумной атаки, присоветовал дома сидеть, оборону усиливать.

Теперь Кащей выступит чуть позже, чем собирался. И воевать ему будет чуть труднее.

К сожалению, именно что чуть...

А вот открываются ворота. Огромные, дубовые, на чугунных петлях. И во двор выходит... здесь Финист прильнул к прутьям особенно жадно. Сам царь Кащей ведь во двор выходит, не кто-нибудь!

Видать, гости непростые пожаловали...

Обок него не то шествовали, не то струились две девки... бабы... старухи... непонятно кто, но женского рода. Финист при виде них поежился, перья встали торчком. С этой нечистью он бы не пожелал встретиться и врагу.

Справа — Моровая Дева. Старшая из сестер Лихорадок. Сейчас она пребывала в облике юной красавицы и выглядела совсем человеком. Только несказанно бледная кожа и бездонные черные глаза говорили — не человек то, но тварь нечистая, Навью рожденная.

Но она хоть выглядела пристойно. У той, что слева, и того не было. Коровья Смерть, безобразная клыкастая старуха с непомерно длинными руками-граблями. Моровой Деве она стряечка, тем же делом занимается, на той же ниве трудится. Только морит не людей, а скотину.

Кашею обе страхолюдки угодливо кивали, выслушивали наставления. Опять, видно, пошлет их куда-нибудь...

Но тут уже ворота открылись совсем, и во двор принялись въезжать... или входить?.. Очередные чудища, что явились в Костяной Дворец, были четвероноги, но с руками, словно ве-

щий Китоврас. Кожа чернущая, глаза огнем горят, в руках пики острые.

Было их всего две дюжины, но сразу видно — вои добрые, таких много и не нужно. На подпругах... или на поясах, как уж это у них называется, у каждого висели отрубленные головы. Впереди всех ехал вожак — всадник в белом плаще на хромом коне. Тоже с пикой и отрубленными головами, но человек, не бес-китоврас.

— Ты все-таки откликнулся на мой призыв, — сухо произнес Кащей. — Хотя я уже не рассчитывал — думал, ты уже покинул этот мир.

— Собирался, — гулко ответил всадник. — Великому Тодору больше нечего здесь делать. Но я и моя дружина решили в последний раз тряхнуть стариной. Мы потешимся, убивая смертных, а потом уйдем окончательно.

— Хорошо, — кивнул Кащей. — Жаль, что ты не привел все войско, но мне хватит и твоих отборных гридней.

— Мое войско уже там, — неопределенно махнул рукой Великий Тодор. — В мире бескрайней степи и колышущихся трав. И должен сказать, я не понимаю, отчего ты сам не поступишь так же. Этот мир потерян для иных, это уже очевидно. Почему просто не уйти, Кащей? Миров много. Народы фейри давным-давно ушли в свой Тир-Нан-Ог по Прямому Пути. Каджи уходят в Каджети. Они и тэнгу — в Хорадзиму. Тролли и турсы — в Похъёлу. И мой народ тоже ушел. Пошли с нами, Кащей.

— Нет, так не будет, — покачал головой бессмертный колдун. — Я не уйду.

— Но почему?

— Если мир чем-то плох, слабый идет искать для себя другой, а сильный исправляет тот, что есть. Я исправлю этот мир, Великий Тодор.

— Ну попытайся, попытайся... — с сомнением в очах произнес тот.

Финист почувствовал, как под перьями холодеет. Великий Тодор! Неужто и он тоже встал под руку Кащея?

Сам Финист этого демона раньше не встречал. Не встречали его и братья, Бречислав с Яромиром. Давно уж очень не показывался Великий Годор на Руси — как бы не сотню лет.

Зато вот батюшка их, Волх Всеславич, его встречал. Даже, было, сражался. Ни тот ни другой верх не взял — а это уже о многом говорит. Немного на свете тех, кто мог биться на равных с самим Волхом.

Хорошо хоть, при Великом Годоре только малая дружина...

Финист охотно бы смотрел и дальше, да Акъял подал знак. За дверью слышалось приглушенное рычание — псоглавцы учуяли что-то не то.

Сокол-оборотень спрыгнул с окна и юркнул в дыру. Акъял за его спиной тут же напихал туда пакли.

— Завтра снова загляну, дожидай, — прошептал Финист товарищу.

В замке уже скрежетал ключ.

ГЛАВА 4

Идя по Новгороду, Иван только и успевал вертеть головой. Ох и город же, ох и громадина!.. Даже больше Тиборска! Тьмы четыре народу, никак не менее! Кругом палаты каменные, улицы мощные, люд богатый!

В Великом Новгороде Ивану раньше бывать не доводилось. Он вовсе из княжества выезжал пока только один раз — этой же осенью, во Владимир, со свадебным поездом. А Новгород — из всех русских городов самый особливый. На закате стоит, к нурманам лицом повернут, испокон веку с ними дело ведет. Немало в Новгороде такого, чего в остальной Руси и не сыщешь.

Один только торг новгородский чего стоит. Вон как выражены все богато да пышно. Словно холопей в здешних концах вовсе нет — одни князья да бояре. Куда ни поглянь — важный дядька ступает, охабнем мостовую метет аль боярышня молодая черевиками постукивает, глазками постреливает.

Яромир шагал молча, чуть насмешливо поглядывая на разинувшего рот княжича. Сам он в Новгороде бывал уже многаяжды, со многими был знаком. Сейчас вот пройти Плотниц-

кий конец, перейти по мосту — и будет большое торжище. Там Яромир собирался кое-чего прикупить да кое с кем побалачить.

Ивана он старался из виду не выпускать. Ему только дай потачку — живо дурь выкинет. Все деньги спустит на дребедень, девицу невинную попортит или просто нажрется до зеленых риз. Яромир иногда удивлялся, как Иван дожил до зрелых лет, с такой-то пустой головой.

Вот, прямо сейчас поотстал малость, к церквушке какой-то пристроился. Яромир заподозрил скверное, хотел уж было одернуть, да заметил, что Иван, высунув язык, мерекает на белой стене писульку. Яромир бесшумно зашел ему за спину, прочел: «Спаси господи», и неопределенно хмыкнул. Ладно уж, пускай — всяких каракуль тут и без Ивана не счесть. Люд в Новгороде поголовно грамотный, а вот воспитания иным не хватает.

И сброда всякого вдосталь. У дверей церквушки подвывала нищенка-оборванка, суетился юродивый мальчишечка, бренчал на гусях слепой старичок. Сердобольный Иван выудил три медных веверицы, роздал убогим, приговаривая:

— На те, небоже, что нам не гоже...

На торжище Яромир внимание удвоил. Новгородский торг вдвое сильнее тиборского — тут и бывалому волколаку ухо остро держать, не то что княжичу стоеросовому. Повсюду шум, гам, каждый так и норовит объегорить, а то просто кошель срезать. Руку протяни — в беду упруешься.

А Иван ни о чем таком не думал. Он просто глазел. Гомон вокруг стоял — и-и!.. Все что-то покупали, продавали, торговались или просто кричали.

Говор у новгородцев непривычный, чудной. Вроде и по-русски говорят, как все, а вроде и как-то не так. Цокают, «г» странно произносят...

Глаза от изобилия разбегались. Каких только диковин нет на новгородском торжище. Вот, например, берестяной прилавок — туеса, тарели, кружки, сундучки. Искусно расписаны, раскрашены — и ни капли клея. Руки у Ивана так и потянулись, так и примерились.